

Настоящая книга является дополненным и доработанным русскоязычным вариантом книги того же автора, вышедшей на немецком языке в 2003 году [Lehfeldt 2003].

В. Лефельдта представлять российскому читателю нет необходимости. Это один из самых известных славистов Европы, соиздатель (а с 1993 г. – редактор) международного журнала «Russian linguistics», языковед, крайне внимательный к нашим российским исследованиям и к языку анализа. Это ученый, беспристрастный и тщательный до перфекционизма. Кроме того, он занимается русской акцентологией примерно двадцать лет и имеет много опубликованных работ по этой проблематике. Как автор он обладает прекрасным и редким даром широко и часто привлекать чужие наблюдения и чужие результаты и в то же время оставаться самим собой, предлагая свой собственный опыт анализа материала и интерпретации полученных результатов.

Об акцентологии писали много, и мы имеем в России блестящую школу акцентологов. Однако именно эта небольшая книга требует очень серьезного обсуждения и оказывается важной не только для акцентологии как таковой. Почему?

Прежде всего В. Лефельдт излагает свои взгляды предельно просто, как будто бы ориентируясь на студента или на дилетанта, и тем самым освобождает акцентологию от привычного и приятного эзотеризма. Во-вторых, он пытается сочетать акцент как конструкт, языковедческий концепт, и способы его реального фонетического воплощения. А этого по-настоящему никто не делал. Как видно будет далее, он добросовестно пытается сочетать принципиально не сочетаемое и не сочетающееся.

Итак, в книге примерно две трети посвящено акценту и одна треть – ударению. Чем же они различаются? В концепции В. Лефельдта язык являет собой совокупность абстрактных словоформ, они «исходные формы» для конкретных словоформ, которые в свою очередь движутся к конкретной же реализации в высказывании. Итак, «абстрактные словоформы русского языка являются нашими первичными объектами исследования» (с. 13). В соответствии с вышесказанным **акцент** соотносится с абстрактными объектами, а **ударение** – с качеством конкретных объектов. Эти два понятия несинонимичны и никак

не должны смешиваться¹. Их можно сопоставить с различием type-token у Ч. Пирса. Иначе говоря, в книге В. Лефельдта отчетливо выступает тот не всегда декларируемый факт, что языковая система в известном смысле виртуальна: она является порождением лингвистической мысли, хотя и опирается на реальность языкового существования.

Единицей воплощения акцента является словоформа, которая «предлагает» (термин очень удачный!) конкретному высказыванию потенциальное место акцента, который может реализоваться или не реализоваться в виде ударения.

В первой главе, посвященной акценту, В. Лефельдт во многом опирается на работы А.А. Зализняка [Зализняк 1967; 1977; 1985], а также труды В.А. Дыбо, Н.А. Еськовой, В.Б. Касевича, Н.А. Федяниной, Т.Г. Хазагера и многих других акцентологов как российских, так и зарубежных.

Ареной сочетания словоформ является в книге тактовая группа, в рамках которой акцентированные словоформы могут соединяться друг с другом, не теряя акцента, но могут сохранять акцент только у одной словоформы. «На абстрактном уровне сам акцент понимается как абстрактный феномен <...> Мы говорили выше об исходных формах, которые представляют результат, или “output” конкретного анализа» (с. 18).

Сущность излагаемой концепции в книге несколько раз повторяется, но это не мешает ясности изложения, которая в монографии предельна. Абстрактные словоформы сначала рассматриваются как изолированные единицы. В. Лефельдт демонстрирует на многих примерах, что такое «свобода» русского акцента. Это возможность для говорящего ставить акцент на любом слоге словоформы (в соответствии с нормами языка). Свобода акцента тем самым отличается от подвижности, реализующейся в пределах парадигмы данной

¹ Необходимо отметить, что в акцентологической и интонологической литературе понятие акцент и ударение часто смешиваются или приобретают самые различные значения вплоть до противоречащих друг другу. Анализировать все это в настоящей рецензии не предоставляется необходимым. Можно заметить только, что В. Лефельдт называет акцентом то, что в англоязычной литературе часто именуется lexical stress.

лексемы. Однако «подвижность не является логическим следствием свободы» (с. 48).

Что же является, в концепции В. Лефельдта, первичной единицей русской акцентологии? Это – морф. Для существительного, например, основа и флексия. Важно учитывать и слоговой принцип: возможно *рука́ми*, но не *руками́*, хотя оба акцента принадлежали бы флексии.

Сильным местом рецензируемой книги нужно считать широкое привлечение количественных показателей, благодаря которым картина разброса акцентных возможностей русского языка предстает гораздо менее пестрой, чем это бывает представлено во многих изданиях. Так, безусловно большинство лексем имеют так называемый колумнальный акцент, т.е. все словоформы парадигмы акцентуются одинаково (например, по данным Н.А. Федяниной, подвижный акцент имеют только 720 существительных, 376 прилагательных и 294 глагола). Но и тут важно понять, что слова с подвижным акцентом характеризуются высокой частотностью и до сих пор еще «лексемы и лексемные группы переходят от колумнального акцента к подвижному» (с. 49). Описание акцентных парадигм глагола сложнее, чем у существительного, модель его возможностей для словоформ следующая: приставка + корень + деривационный суффикс + тематический гласный + суффикс + флексия + постфикс. Комбинация морфов глагола с меняющейся позицией акцента дает 36 структурных моделей, демонстрируемых автором.

Несомненным достоинством книги В. Лефельдта является и ее композиционная продуманность, благодаря которой априорная запутанность русской акцентуации также постепенно проясняется и демонстрирует свою иерархическую организованность.

Нет необходимости объяснять отечественному языковеду, что такое «условное акцентуирование» по А.А. Зализняку, что такое «акцентная схема» и «исходная форма». Но еще раз нужно повторить, что изначально книга написана для не-российского русиста. Поэтому все это разбирается в книге В. Лефельдта достаточно ясно и достаточно подробно. Приводятся перечни акцентных схем субстантивного склонения, местоименного, адъективного (полные и краткие прилагательные), акцентные схемы разных категорий глагола (с. 73–87).

Менее привычным для российского слависта является вопрос, поставленный автором далее: как можно самому попытаться определить акцентную схему данной парадигмы, зная исходную форму? Вслед за А.А. Зализ-

няком автор показывает принципиальное различие двух классов лексем – непроеизводных и производных. Для последних в принципе нехарактерен выбор иных акцентных схем, кроме АСа и АСв. То есть, нехарактерны «подвижные» акцентные схемы. Однако и это решение относительно: возможны межакцентные переходы, например, у слов с абстрактным значением². В сфере производных слов существенным является также определение акцентной позиции в самой исходной форме. В книге принимается важное понятие акцентной маркировки (по А.А. Зализняку), т.е. «самоакцентуирующийся морф направляет акцент на самого себя, левоакцентуирующий – на соседний слог стоящего от него слева морфа, а правоакцентуирующий – на соседний слог стоящего справа от него морфа» (с. 91). Кроме того, для производных суффиксов существенен признак доминантности; «наличие таких суффиксов – одна из самых ярких характеристик, отличающих акцентную систему современного русского языка от более ранних стадий его развития» (там же). В. Лефельдт далее демонстрирует сказанное на конкретных примерах.

Проблема непроеизводных лексем сложнее: для них нужны дополнительные признаки-характеристики. Блестящим примером анализа здесь служат сформулированные А.А. Зализняком правила расстановки акцента в цепи акцентных маркировок [Зализняк 1985: 37; 1977: 86–91]. Сложные иерархические отношения в расстановке акцента регулируются, по его предписаниям, следующими принципами: прагматическим (привычно – чужое), семантическим (национальный или географический признак), принцип исторической преемственности и стилистический фактор. «Исходный акцентно-слоговой принцип», по А.А. Зализняку, определяет схему АСа лишь для тех существительных, «исходные формы» которых состоят из трех или более слогов и у которых акцент падает на один из средних слогов.

В. Лефельдт разделяет частотность акцентных схем также на системную и прагматическую, по продуктивности и перспективности эволюции и по значимости принадлежности лексемы к одному или другому категориальному классу. Большое место в книге занимают вопросы нормы, престижности употребления и «сообщенного узуса»

² Необходимо заметить, что В. Лефельдт добросовестно ссылается на самые мелкие наблюдения других акцентологов, но краткость жанра рецензии в журнале не дает возможности все время об этом упоминать.

(также очень удачный термин Е. Марклунд-Шараповой).

Однако каждый видит мир в зависимости от своей к этому подготовленности. Так, в последние десятилетия русскому уху предстали с экранов и публично произнесенные такие слова как *возбУжденный, осУжденный, будь-те дОбры, вклюЧить, полОжить, звОнит* и т.д. Каждое такое произношение – грубейшая ошибка, демонстрация «лакмусовой бумажки языковой культуры» (термин О.А. Лаптевой). И однако – эти грубые ошибки отражают явно выраженную тенденцию в ускоряющемся мире и ускоряющемся темпе речи выделить семантический центр слова – корень – через ударение. И здесь я раздваиваюсь: как лингвист я понимаю, что эта тенденция будет неизбежным образом развиваться, зная последние мировые собственно фонетические исследования и наблюдения (см. подробнее [Николаева 2007]), но сама же я, говоря, поставлю ударение в соответствии с «сообщенным узусом».

Заключает раздел об абстрактных схемам и ударении в абстрактных словоформах исследование того, как получить достоверную информацию о распространенности того или иного вида акцента при его вариативности. Данные Н. Юкайя сообщают (если я правильно поняла) пугающую цифру: требуется 1537 информантов [Ukiah 2004].

Все сказанное выше относилось к изолирующему и парадигматическому анализу акцента как абстрактного конструкта. Заканчиваются «Абстрактные словоформы» анализом «синтагматическим». В этом разделе единицей анализа является абстрактная тактовая группа. Тактовая группа может быть представлена «акцентогенными» словоформами, ни одна из которых не теряет своего «предложенного» акцента; но она может быть представлена акцентными потерями: акцент теряют клитики (проклитики и энклитики) или же проклитики приобретают акцент «за счет» акцентогенных словоформ. В. Лефельдт перечисляет группу энклитик современного языка:

- местоименные частицы *же* и *-то*;
- глагольная частица *-ка*;
- вопросительная частица *ли*;
- союз *же*³;
- глагольные частицы *бы* и *было*.

Проклитики делятся на абсолютные (те, которые могут приобретать акцент за счет словоформы) и относительные – все остальные.

³ В последнем случае, на мой взгляд, «местоименная» (?) частица и союз отличаются друг от друга с большим трудом, но развивать в рецензии эту тему вряд ли стоит.

Вся первая глава, как уже говорилось, написана с какой-то безупречной четкостью, разумным числом примеров и явным и успешным желанием не отпугнуть зарубежного русиста от пугающей и темной русской акцентологии. Кроме того, многие положения опираются на безупречно совершенные акцентологические достижения А.А. Зализняка, что увеличивает декларируемую В. Лефельдтом прозрачность.

Закончить первую часть своей рецензии я хочу квалификацией самой последней части книги В. Лефельдта, где сообщается о функциях ударения. Эта часть интересна любому русисту. Автор не только перечисляет типы грамматических отношений, разрешаемых одним лишь ударением: см. 1) *мУка* – *мукА*; 2) *желЕза* – *железА*; 3) *пОдать* – *подАть*; 4) *массажИ* (проф.) – *массАжи*; 5) *рУки* – *рукИ*, а также многочисленные графические совпадения глагольных форм, но и показывает, что через принадлежность к акцентной схеме различаются классы зверей и людей (национальный признак); демонстрирует изменения помет в нормативных словарях от «грубых ошибок в употреблении» к «допустимым». Ведущей тенденцией В. Лефельдт считает постепенное и медленное движение акцента в сторону противопоставления единственного и множественного числа (с. 207, мнение Л. Теньера, Т.Г. Хазагеров и других).

Как уже говорилось, В. Лефельдт разделяет акцент как абстрактный конструкт и ударение как его реальное воплощение. Вторая часть книги «Конкретный уровень: единицы ударения», по объему значительно меньшая, посвящена типам реализации акцента как ударения. Эта часть книги вызывает реакцию отнюдь не положительную, и не потому только, как я думаю, что автор рецензии достаточно знаком и с фактами, и с проблемами интонационно-просодических исследований и обладает поэтому более мелкой оптикой. Более того, В. Лефельдт очень часто и очень уважительно ссылается на мои публикации. Но тут, вероятно, уместно вспомнить древних: *Plato amicus, sed magis amica veritas*.

В начале этой второй главы В. Лефельдт хочет представить обзор взглядов на то, как ударение реализуется в слове и как – на более протяженном синтагматическом отрезке. Сразу становится ясным, что автор не осознает общего лингвистического статуса фразы и предложения как единиц по сути идентичных (речь идет о русском значении этих лингвистических концептов вообще и в российской школе интонологии). См., например: «Далее, необходимо иметь в виду, что тактовые группы во фразах и предложениях подпадают под влияние интонации фразы или предложения»

(с. 150). Не совсем понятны и другие места, в частности, на с. 158, где сказано, что, по данным Н.И. Жинкина, «ударные слоги выделяются более четко, чем безударные» (что значит «четко»?); непонятна и фраза на с. 163: «Дифференцированное представление об акустических коррелятах ударения в русском языке можно найти в книге... С. Пеневой» (что значит «дифференцированное представление»?).

Читателю предлагается обзор концепций, хронологически построенный, поскольку начинается М.В. Ломоносовым, по поводу того, каким именно акустическим параметром выражается русское ударение. Композиционно этот обзор строится «по людям», т.е. описывается, кто и как по этому поводу высказывался. (Разумеется, более удобно и логично было бы строить его «по параметрам».) Но и при указанном подходе одни и те же авторы выступают то с более поздними, то с более ранними выводами и достижениями. Наконец, они даже появляются в книге, каким-то образом сами себе противореча. Все примеры подобных противоречий привести невозможно, но, например, (на с. 157) Л.В. Златоустова сначала а) первая в интонологии в 1953 г. показывает роль количественного фактора, б) в середине страницы она эту концепцию «пересматривает» (1971 год), в) в следующем абзаце этой страницы она «в своем замечательном исследовании» 1962 года демонстрирует, что «длительность звука является важнейшим акустическим параметром ударения». И это все на одной странице! Кстати сказать, Библиография в книге представлена достаточно полная, но в самом тексте монографии экспериментально-фонетические исследования отражены минимально. Так, например, очень подробно ведущая роль длительности показана и в работах Лаборатории ЛГУ [Бондарко и др. 1973].

А между тем весь этот ошущающийся концептуальный хаос возник в книге неслучайно. Я вспоминаю сказанные мне слова А.А. Реформатского: «Вот все говорят, что русское ударение выражается прежде всего длительностью, но как-то поверить в это полностью я не могу. Конечно, оно экспираторно». Безусловно, вера в экспираторность русского ударения рождалась из дихотомии старых языковедческих предпосылок: ударение может быть музыкальным (тональным) или динамическим. *Tertium non datur!* Но экспериментальная фонетика с ее техническими возможностями развивается стремительно и потому было естественно, что лингвисты старших поколений еще долго жили в плену указанной дихотомии.

Подход, применяемый во второй части книги, это подход дедуктивный. Читатель должен принять ту идею, что вынимая такто-

вую группу одну за другой, говорящий по определенным правилам модифицирует акценты внутри абстрактных тактовых групп. См. «из арсенала абстрактных тактовых групп извлекается и реализуется одна тактовая группа за другой таким образом, что возникает последовательность конкретных тактовых групп» (с. 178). А между тем это не так. Говорящий вступает в мир интонации и интонологии, где есть и парадигматический аспект, и синтагматический. Неслучайно автор только мимоходом упоминает о существовании «семи интоном» Е.А. Брызгуновой, которые, несмотря на различные попытки их корректировать, остаются таблицей умножения для всех интонологов. Дело в том, что существующие типы интонационных структур несомненно имеют разный хронологический анамнез (то есть различную степень общей слитности звуков и отчетливости в выражении интонационной фигуры) и потому **по-разному** определяют тип модификации абстрактного акцента. Уже доказано, что тип интонационной структуры слушающий может идентифицировать уже по первым слогам произнесенного текста. Все это определено и продемонстрировано в исследованиях по интонации многих авторов, особенно ясно русская интонация представлена в книге Н.Д. Светозаровой ([Светозарова 1982]; приводимое в связи с этой монографией определение Габки [Gabka 1987] слишком общее). А между тем в рецензируемой книге как будто бы говорится об одном каком-то высказывании, так сказать, «вообще». Однако точковая интонация, интонация общего вопроса, переспроса, повествования различаются принципиально и по типу инкарнации акцента, то есть воплощения его в виде ударения. Далее. См. «не существует ни одного высказывания или отрезка высказывания без интономы» (с. 187). Автор понимает, вслед за Габкой, под интономой «комплексный инвариантный интонационный контур в области интонационного центра» (с. 185). Тогда непонятно, как может иметь интоному «отрезок высказывания», то есть нечто незаконченное?

К сожалению, В. Лефельдт пользуется понятием «логического ударения», которое считает частным видом «ударного выделения» и которое уже можно считать архаикой языкознания (хотя я приписываюсь в книге к его исследователям, но хочу публично от этого откеститься, так как считаю, что просодическое выделение слова в тексте коррелирует с различными смысловыми категориями, а не только с контрастом, само же выражение «логическое ударение» на самом деле бессмысленно). В интересной работе Т.П. Скори-

ковой, которая присутствует в Библиографии, но не в тексте, даже продемонстрировано на огромном материале, что в лексическом языковом пласте далеко не все слова «притягивают» просодическое выделение, но слова определенного типа.

Между тем и в этом разделе есть много ценных и интересных наблюдений и указаний. Это касается сведений и обобщений относительно побочного ударения в русском языке⁴. Большое место отведено вопросу о том, каким может быть интервал между ударными слогами в высказывании и – естественно – в связи с этим и вопросу о ритмической организации прозаического и непрозаического текста (здесь В. Лефельдт использует данные Г.Н. Ивановой-Лукияновой, но, кроме того, приводит собственные математические выкладки, показывающие возможные ритмические интервалы).

В заключение можно спросить рецензента: а стоит ли так критиковать меньший по объему раздел хорошей и нужной не только для русистов книги очень известного и уважаемого лингвиста? Думаю, что да, поскольку недочеты второго раздела были неизбежны и прогнозируемы.

Дело в том, что многие элементы **реально**го речепорождения не укладываются в рамки, предлагаемые абстрактно-конструктивной системой описания языковой структуры, существующей в настоящий момент, и укладываться не могут принципиально. Повторю сказанное иначе: языковое по-уровневое представление,

начинающееся с фонологического уровня, не сосуществует с интонационным описанием в одном метатеоретическом ряду и сосуществовать не может, поскольку это два разных мира. Поэтому многих лингвистов самого высокого класса по отношению к интонации протяженного отрезка характеризует нечто, что можно характеризовать психоаналитическим термином «вытеснение».

В целом очень важная и нужная (в оригинале и в переводе) книга В. Лефельдта это прекрасно демонстрирует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондарко и др. 1973 – Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая, Л.П. Щербакова. Об определении места ударения в слове // ИАН СЛЯ. 1973. № 32.
- Зализняк 1967 – А.А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967.
- Зализняк 1977 – А.А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977.
- Зализняк 1985 – А.А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Николаева 2007 – Т.М. Николаева. Грубые ошибки или назойливая тенденция? // Язык в движении: Сб. к 70-летию Л.П. Крысина. М., 2007.
- Светозарова 1982 – Н.Д. Светозарова. Интонационная система русского языка. Л., 1982.
- Gabka 1987 – K. Gabka (Hrsg.) Russische Sprache der gegenwart. Bd. 1: Einführung in das Studium der russischen Sprache // K. Gabka. Phonetik und Phonologie. Leipzig, 1987.
- Lehfeldt 2003 – W. Lehfeldt. Akzent und Betonung im Russischen. (Vorträge und Abhandlungen zur Slawistik. Bd. 45). München, 2003.
- Ukiah 2001 – N. Ukiah. Variation in mobile stress in modern Russian // ZSL. Bd. 46. 2001.

⁴ Правда, несколько удивляет замечание (с. 156) о том, что Касаткина не опирается на собственные эксперименты. Ведь таких считаваемых экспериментаторов у нас в отечественной лингвистике мало; кроме того, многие ее работы сделаны еще под фамилией Пауфошима, но этого автора в Библиографии и тексте почему-то нет.